Классик сибирской литературы, видный поэт и прозаик, Георгий Вяткин как-то обойдён вниманием историков литературы. До революции критики-сибиряки приклеили ему клеймо «декадента», советский агитпроп помещал погромные статьи об этом «колчаковце» и довёл дело до расстрела.

Серебряный век в Сибири почти не успел проявиться, больше всего модернистские веянья коснулись Георгия Вяткина. Он не сторонился уроков символизма:

Пройдут часы, недели и года,
Устану я, уйду во мрак, истлею,
Но с миром не расстанусь никогда.
Могильной тьме моя душа чужда,
Влюбленный в жизнь, я вновь воспламенею,
Мне кажется, я буду жить всегда.

Коренной сибиряк, из казачьей семьи, Георгий Андреевич Вяткин (1885 – 1938) учился в Томской учительской семинарии, первые публикации его – в «Сибирской жизни» и томских альманахах. Перед революцией стихи его приобрели всероссийскую известность; он – автор знаменитой «Сибирской студенческой песни» («Юной верой пламенея, С Лены, с Бии, с Енисея Ради воли и труда Ради жажды жить светлее Собралися мы сюда»). Он был активным членом созданной Потаниным группы «Молодая Сибирь», но к областнической программе относился скептически. Прижизненные сборники Вяткина: «Стихотворения» (Томск, 1907), «Грёзы Севера» (Томск, 1909), «Под северным солнцем» (Томск, 1912), «Алтай», Омск, 1917, «Опечаленная радость» (Петроград, 1917), «Золотые листья» (Петроград, 1917). Два года провёл он на фронте Первой мировой войны, примкнул к белым и расстрелян был как колчаковец, но во время гражданской войны писал венок сонетов «Земле – земное». Замечательна его книга «Раненая Россия», изданная в Екатеринбурге в 1919 году. Из поздних опытов интересен «Сказ о Ермаковом походе» («Сибирские огни», 1927). В зрелости он занялся прозой и в 1936 году опубликовал автобиографический роман «Открытыми глазами». В 1937 году поэт был арестован, облыжно обвинён в причастности к послереволюционной антисоветской организации и расстрелян.

Вступительная заметка,
публикация текстов и статья-послесловие
Андрея Зубарева

ИЗ ДНЕВНИКА

Яркий солнечный день. Мы сидим с Григорием Николаевичем Потаниным на террасе его дачи в Аносе. Над нами синее небо Алтая, неподалеку под горой шумит Катунь. Григорий Николаевич в светлом чесучовом пиджаке и, кажется, в таком же светлом настроении, он жмурится от обилия солнечных лучей, улыбается… Разговорились почему-то о цветах. Я сказал, что мне больше всего нравятся ландыши, особенно полевые, весенние.

– А я люблю репей, – откликнулся Григорий Николаевич.

Удивленно поднимаю брови:

– Репей?

– Да.

– Какой?

– Да самый обыкновенный. Вот какой около заборов растет или в оврагах. Признаюсь, я никогда раньше не обращал внимания на это слишком обычное растение и слушаю своего собеседника с тем большим интересом.

Григорий Николаевич продолжает теперь уже совершенно серьёзно своим обычным хмурым баском.

– В нём есть – как бы вам сказать – нечто мужественное… Стойкий он. И никого не боится. Дождь, ветер, пыль, град – всё равно. И – обратите внимание – самый какой-то задорный и яркий, самостоятельный. И растёт храбро, у самых тротуаров. Прямо молодец! Этакая стройность и вместе с тем – красота.

«В самом деле, – думал я, сидя на берегу Катуни и бросая в воду камешки, – мы слишком любим розы и орхидеи, нарциссы и фиалки, эти хрупкие создания оранжерей и теплиц, и меньше нравятся нам полевые цветы, а те, что растут у наших заборов, мы просто не замечаем. Между тем цветок всегда остаётся цветком, даже в пыли, даже и забрызганный грязью или смятый нашим сапогом…».

* * *

Лето прошло. Алтай остался позади, и мы снова в городе. Собираемся чествовать Григория Николаевича. Приедут депутаты из других городов Сибири, профессора будут говорить речи, молодёжь, сдерживая дыхание, станет слушать и потом горячо аплодировать. А Григорий Николаевич будет застенчиво покашливать, немножко хмуриться; в великой скромности своей думает, вероятно, что его заслуги и значение преувеличены.

Нелицемерный и бескорыстный работник на общественной ниве, он никогда не считал содеянного им добра, а за всей сложной серьёзностью общественных, научных, личных дел – не прошел равнодушным даже мимо репейника: заметил его и полюбил. Полюбил не только как цветок, но и как символ мужества и стойкости, спокойной и бодрой силы.

Есть прекраснейшие чувства – великодушия и милосердия, красоты и нежности, но всегда и особенно теперь человечеству нужны в гораздо большей степени – мужество, стойкость, спокойная и добрая сила. Это именно те качества, которыми создается будущее. Это именно те качества, какими всегда был богат Григорий Николаевич и в своих дальних путешествиях, и в своих духовных исканиях.

* * *

Ночь угрюма и уныла. Даль угрюма и мертва.
Сгибли радостные песни, сгибли нежные слова…
Отчего ж цветёт надежда? Отчего ж светла печаль?
Отчего же сердце рвётся в неизведанную даль?
– Возродится, обновится мир усталый и больной,
Будет праздник жизни новой – ясной, чистой и живой,
Всё утонет в блеске солнца, затрепещет, зацветёт!.
То, что было, не вернётся. Всё, что будет, то придёт.

(«Томский театрал», г. Томск, 1906 г., № 3-4)

* * *

В этот день голубой, навсегда уходящий в безбрежность,
Перед первой звездой, улыбнувшись в ласковой мгле,
Есть ли в сердце твоём беспредельно-глубокая нежность
Ко всему, что цветёт, ко всему, что живёт на земле?

Мой доверчивый друг, с детски-ясным и радостным взглядом,
С непорочной душой, – непорочной, как в поле цветок, —
Жизнь груба и темна, но прелестным и светлым нарядом
Нежно блещут цветы и у пыльных, угрюмых дорог!

Эта светлая грусть, эта тихая радость близка мне:
Будет горек твой путь, словно в чуждом и страшном краю,
И падёшь ты в слезах и обнимешь холодные камни
И поведаешь им всю безмерную муку свою.

Но в тяжёлом пути, чрез борьбу и тоску и мятежность, —
Как нездешний цветок на высоком и хрупком стебле, —
До конца, до конца пронеси эту светлую нежность
Ко всему, что живёт, ко всему, что цветёт на земле!

«Заветы», 1913 г., № 2)

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИК НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ (1916)

(Письмо из действующей армии)

В полдень в местечко С., где стоял наш врачебно-питательный отряд, приехал адъютант н-ского полка, расположенного у передовых позиций, и передал нам приглашение командира и г.г. офицеров – пожаловать всем отрядом на полковой праздник, имеющий быть сегодня, вечером, в помещении штаба полка.

– Праздник будет весьма скромный, господа, – прибавил адъютант, – но думаем, что неприятель нас сегодня не побеспокоит, и надеемся, что очень уж скучать вам не придется… Просим приехать пораньше, часам к семи.

До села, в котором находился штаб полка, от нашего местечка было около часа езды, и в начале седьмого мы поехали.

Дни стояли самые короткие, и, когда мы двинулись в путь, было уже совсем темно, дул ветер, ярко трепетали, словно раздуваемые им, огни звезд, гудели редкие тополя по краям каменистого шоссе, запорошенного снегом.

Над белыми тихими полями, вдоль наших и неприятельских окопов, то тут, то там вспыхивали и медленно гасли ракеты, двигались исполинские щупальца немецких прожекторов, простираясь на целые версты.

– А ведь красиво, да еще как! – восторгается одна из наших сестер – Словно иллюминация.

– Если б не война, – вздыхает другая.

– Господа, а как вы думаете, музыка будет? – спрашивает старший санитар Б.

– Ну, конечно, – отзывается доктор, – какой же праздник без музыки. А я, признаюсь, наголодался по ней… С удовольствием послушаю даже плохонький оркестр.

– А шампанское будет? – слышится голос из второй брички.

– Ишь вы, чего захотели!.. По стаканчику удельного, может, и выпьем.

– И то хорошо!

Едем, разумеется, не всем отрядом: дежурные санитары и сестры остались дома, осталась и сестра, заведующая хозяйством, у которой больше всех дела.

За версту до села, на перекрестке, две солдатские фигуры загораживают нам дорогу:

– Пропуск?

– Подкова.

– Проезжайте.

Въезжаем в село. Штаб полка – в доме ксендза, около костела. Уже издали видим ярко освещенные окна.

Нас встречают полковые врачи, двое из них с электрическими фонариками идут к нам навстречу.

Весело здороваемся и идем в дом. У крыльца толпятся денщики и дневальные; один раздувает самовар, другой встряхивает чью-то шинель, третий ловкими движениями открывает нам двери.

С большинством офицеров мы уже знакомы, они не раз приезжали к нам в гости. Они представляют нас остальным и посылают вестового сказать командиру, что гости приехали.

В доме три больших комнаты: в средней накрыты для ужина три длинных стола, правая занята полковым оркестром, в левой – телефон, бумаги, дежурный офицер дает какие-то инструкции трем прапорщикам, отправляющимся в окопы и в сторожевые охранения.

Входит командир полка. Оркестр встречает его бравым маршем. Полковник, звеня шпорами, раскланивается, приветствует нас и просит к столу.

Ламп нет. Горят свечи, вставленные в горлышки пустых бутылок.

Сервировка самая пестрая: фарфоровая тарелка рядом с глиняной, стеклянный стакан – с металлическим, великолепное блюдо, вывезенное из Восточной Пруссии – и грубые деревянные солонки, приобретенные в галицийских деревнях.

Свежие закуски отсутствуют, зато много разнообразных консервов. Нет водки и крепких вин, но есть удельное, мадера, сотерн.

Под звуки бравого марша шумно усаживаемся и приступаем к ужину. Распоряжается ужином седобородый поручик – любопытный старик лет 60-ти, доброволец, оставивший в Киеве детей и внучек, участвовавший затем в боях и приобретший общую симпатию офицеров и солдат.

Он дает знак музыкантам – и марш обрывается.

Хозяева наполняют бокалы и стаканчики гостей, полковник встает и провозглашает первый тост:

– За вас, милые гости! – говорит он привычно-громко, словно на параде. – За передовой сибирский отряд, который не раз облегчал и будет облегчать нашу работу на фронте. Я сам был свидетелем того, как в последних боях у С. несколько санитаров отряда работали под ружейным обстрелом, и, значит, рисковали жизнью. За весь персонал отряда, за его здоровье и процветание! Ура!

Раздаются крики «ура». Оркестр играет туш. Полковнику отвечает наш товарищ уполномоченного:

– Г. полковник и г-да офицеры! Нам было лестно получить приглашение на ваш полковой праздник. Лестно не только потому, что это давало нам возможность приятно провести с вами время, но, главным образом, потому, что в этом мы видим еще одно доказательство того единения, которое в эту войну существует между армией и общественными организациями. За это единение, за то, чтобы русская армия, как древле Илья Муромец, черпала свою силу в родной земле и была неразрывно с народом и обществом! За здоровье и процветание вашего славного полка!

Оркестр опять играет туш, потом приступает к программе. Программа, написанная карандашом на каком-то казенном бланке, переходит из рук в руки; она, конечно, элементарна. Марши, вальсы, попурри из русских опер, мазурка, гопак, лезгинка.

Ужин довольно обильный: после холодных закусок – форшмак, потом гусь, желе, кофе и чай.

Третий тост произносит капитан Д.:

– За отсутствующих дорогих нам женщин. За наших сестер и невест, жен и матерей, которые не перестают любить нас, заботясь о нас… Быть может, в эти самые минуты они думают, что нас здесь сейчас громят снарядами, заливают градом пуль, а на самом деле мы, вот, веселимся, насколько можем, и пьем за их здоровье!

Этот тост уже не встречается дружными кликами: он принимается единодушно, чувствуется, что для него у каждого открыто сердце, но всех охватывает легкая грусть, каждый уносится мыслью к милым и дорогим, вспоминает нежные руки, ласковые глаза…

В конце ужина встает поручик Н. Взволнованным голосом, с влажными от набегающих слез глазами, он говорит:

– Г-н полковник и г-да офицеры! Много раз наш полк участвовал в боях. Были дела удачные, были и неудачные, но ни разу мы не опозорили себя ни малодушием, ни трусостью, шли вперед без тени страха, и… многие наши товарищи пали смертью храбрых… Мало нас осталось, господа, из тех, что были с нами полтора года назад. Вспомним же… вспомним и помянем добрым словом капитана Л., поручика З., подпоручиков А. и В., прапорщиков Г., Е., И. Поручик З. и подпоручик А. пали на моих глазах. Прапорщик Е. умер, когда его несли к перевязочному пункту, я еще его прикрыл шинелью… Он посмотрел на меня и попытался улыбнуться, но…

Поручик не может больше говорить, губы его дрожат, он опустился на стул и закрывает лицо руками.

Тяжелая пауза. Все молчат. Кто-то глубоко вздохнул. Кто-то, с платком у лица, вышел в другую комнату.

Полковник сидит с опущенным лицом и нервно барабанит пальцами по столу.

Один из врачей деланно кашляет, пытаясь сгладить тяжелое, горькое молчание.

Слышно, как в соседней комнате дежурный офицер принимает телефонограмму:

– … в полуверсте от фольварка… у проволочных заграждений?.. Слушаю… Конных разведчиков… слушаю…

Кто-то догадался и дал распоряжение оркестру, и оглушающе грянула лихая мазурка. Понемногу все оживились, появились горячее кофе, чай, коробки конфет, послышались громкие вопросы:

– Господа, кому кофе? Вам без молока? Пожалуйста. Кому еще? Чаю? Крепкого или жидкого?

Адъютант пошептался с полковником, вышел на минуту в музыкантскую, и тотчас оттуда появились три солдата-еврея: гармонист, скрипач и танцор из малороссийской труппы. Подождав, пока смолкнет оркестр, гармонист и скрипач переглянулись и грянули гопака, танцор одернул рубаху, топнул и пустился в плясовую. Трудно было плясать в тяжелых, огромных, разбухших от сырости солдатских сапогах, но все же ходил он лихо, кружился волчком, подскакивал, яростно бил в пол сапогами, и, когда кончил, с удовольствием, как раньше на сцене, раскланивался на аплодисменты. После него великолепно танцевал лезгинку прапорщик Б., кавказец. Потом кое-кто пел романсы, потом пели хором:

«Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны».

В полночь мы ехали обратно. Ночь стояла темная и тихая, но по-прежнему вспыхивали и медленно гасли над окопами ракеты, передвигались по полям синеватые лучи немецких прожекторов, и на одном из соседних участков началась перестрелка.

Маленький праздник кончился. Наступили суровые будни.

Действующая армия

Подпись: Г. Вяткин

Газета «Сибирская Жизнь», №9, 13 января 1916 г., г. Томск

НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ

(Письмо из действующей армии)

I

Накануне Рождества, поздно вечером, в комитет северного фронта союза городов спешно прибыл нарочный из Риги.

Привез пакет от нашего уполномоченного при армии – срочное требование:

– Началось наступление. Присылайте немедленно резервных сестер милосердия, перевязочных материалов, медикаментов. У меня все есть, но может потребоваться еще, запас необходим.

И post-scriptum карандашом:

– Сейчас был на штабе. Наступление идет успешно. Как это ни странно, немцы бегут. Очевидно, не ждали.

А кто-то ждал?

Ведь не ждали и мы. Вся подготовка к этой активной операции была произведена в полной тайне, хваленый немецкий шпионаж оказался на этот раз ниже всякой критики.

Ознакомившись с письмом, комитет тотчас же, ночью, собрал экстренное совещание, выработал ряд мер и отправил с нарочным все, что требовалось. За нашу союзную организацию на данном боевом участке мы не боялись – там люди опытные, там наша гордость – сестра милосердия Мария Ивановна Резчикова, только что получившая золотую георгиевскую медаль за храбрость. Об этой сестре, о ее

подвигах, стойкости, энергии я напишу как-нибудь особо.

Не боялись мы и за армию, тем более, когда узнали из официального сообщения, что главную роль в рижском наступлении играют латышские стрелки и молодецкий сибирский корпус.

Правда, нашлись скептики, говорившие, что немцев здесь не сдвинешь и на полверсты.

Раздавались голоса:

– Вы только подумайте: они укреплялись тут чуть не полтора года. Значит, борьба может быть только такая, какую ведут французы и англичане на Сомме: за каждый метр, за каждый шаг. Дай Бог, чтобы за неделю мы продвинулись на полторы версты.

Оптимисты возражали:

– Все зависит от стремительности и качества удара. Возможно, что полторы версты мы пройдем и в полтора суток.

Но действительность превзошла даже ожидания оптимистов: за неделю наступления наши войска прошли такое расстояние, какого, кажется, и сами не ожидали…

II

За последние два-три дня я имел много разговоров с свидетелями и участниками наступления, с офицерами и с сотрудниками союза, и все сходятся в одном:

– Половиной своего успеха наступление обязано той неожиданности, с которой оно было предпринято и проведено.

Еще 22-го декабря никто ничего не знал и не предполагал, а 23-го, в 5 часов утра, войска двинулись на неприятеля. Это был глубокий и торжественный момент: в предутреннем полумраке, в полной тишине, со штыками наперевес, молча, ринулись части к вражеским окопам. Предварительно наши разведчики быстрым штыковым ударом сняли немецкие дозоры и сторожевые охранения и во многих местах разрезали проволоку. Наступавшие части вливались в эти разрезы и ручными бомбами, гранатами, штыками стали выбивать немцев из их позиций, зажигать их блокгаузы, взрывать блиндажи…

Немецкие офицеры выскакивали в одном белье, схватывались в рукопашную, беспорядочно стреляли из револьверов, последнюю пулю оставляя себе. Рассказывают, что какой-то германский лейтенант, захваченный таким образом, истерично разрыдался и все повторял: – «Это позор для Германии! Это предательство!» Немцы пришли в себя, когда мы уже ворвались во вторую линию окопов. Они оправились, вызвали подкрепления и обрушились на нас всем огнем своей артиллерии. Но и тут прогадали, обманувшись в местонахождении наших резервов и главной базы батарей. И резервы и батареи оказались совсем в другом направлении, а немцы выпустили тысячи снарядов понапрасну, в пустое место…

Наша артиллерия в этот раз отличалась особенно, как интенсивностью своего участия в бое, так и, главным образом, меткостью пристрела. Сотни толстых сосновых свай в блиндажах, железные рельсы, бетон, четырехаршинный слой земли, – все разлеталось вдребезги, а глубина воронок от наших тяжелых снарядов была такова, что дно их тотчас заливала подпочвенная вода. Пристрелка же была настолько правильной и точной, что направлением воронок как бы повторилось направление вражеских окопов со всеми их разветвлениями.

Огромную услугу оказали и летчики, несмотря на неблагоприятную для аппаратов погоду: дул сильный ветер, шел снег. Наиболее суровый ветер был во второй день Рождества: в этот день его сила едва ли не равнялась поступательной скорости аппарата, и так как ветер дул с запада, а наши аэропланы шли с востока, то получилась поразительная картина почти неподвижного стояния аппарата над теми или иными боевыми участками. С одной стороны, это было выгодно, так как удобнее было сверху наблюдать, корректировать стрельбу и производить разведку, а с другой стороны, это было рискованно, давая хороший прицел зенитным батареям противника. Тем не менее, мы не потеряли ни одного аппарата. Немецкие же летчики поднимались в этот день мало. Правда, вечером двинулись на Ригу два цеппелина, но им не удалось прорваться сквозь заградительный огонь нашего воздушного обстрела: не долетев до города и не сбросив ни одной бомбы, они повернули обратно.

В результате дружных усилий всех наших частей немцы значительно оттеснены на запад. Взято более 1500 пленных, в том числе несколько групп турок и болгар и несколько десятков офицеров.

О многочисленных трофеях, о взятом германском казначействе с ценными бумагами и деньгами, в общей сумме на 235000 марок, о 20 походных кухнях, 2 бронированных автомобилях и др. уже сообщалось в «С.Ж.»

Между прочим, наши солдаты пробовали немецкую колбасу и отплевывались: настолько она неприятна на вкус; свининой она и не пахнет, и главной ее составной частью является, по-видимому, конина.

III

О красавице Риге и об ее жизни в обстоятельствах военного времени – я уже вам писал в предыдущий раз.

Теперь она еще более оживилась. Мощный гул артиллерийской стрельбы, молниеобразные вспышки далеких орудий, наблюдаемые рижанами по ночам, усиленное движение грузовых автомобилей и санитарных двуколок, кипучая работа Красного Креста, земского и городского союзов, – все это придавало Риге напряжение, бодрость, подъем.

По улицам то и дело проводят пленных, провозят трофеи. Вся площадь у собора, вся липовая аллея заставлена свежими трофеями, среди которых на первом месте 12 неприятельских тяжелых орудий.

Многочисленные живущие в Риге латыши, беженцы из Митавы и Туккума, уже мечтают о скором возвращении в родные места.

Не знаю, удастся ли нашим храбрым войсками взять на этот раз Митаву и Туккум, но, если даже и не удастся, то значение этих последних боев все же остается огромным.

Главная наша удача в том, что теперь миф о германской неприступности разрушен. Все ухищрения их блистательной военной техники, все их пулеметные гнезда, наэлектризованные проволочными заграждения, подземные лабиринты и многочисленные маленькие крепости, – все рухнуло под стихийным напором латышских и сибирских стрелков и их армейских товарищей.

Мне хочется закончить это письмо собственными словами латышских стрелков, первыми ринувшихся в бой. Передо мной лежит последний номер военного журнала «Latwija Strelnecks», издаваемого латышским стрелковым батальоном. Сотрудники этого органа – исключительно офицеры и солдаты, среди которых есть извест-

ные латышские писатели и публицисты. В сжатых и сильных статьях этого журнала в полной мере выявилась и скромность их, и стойкость, и преданность родине.

«Нет сил и таланта, – пишет один из них, – передать виденное. Не хватает таланта людского рассказать о красоте подвига рядового стрелка. Мы – вечные должники перед ними и сибирскими стрелками. Вспомним их.

Вы видели, как умирают наши стрелки. Без жалобы выдерживают самую трудную операцию. Офицер уступает свое место тяжело раненному стрелку. Умирая, пишут на докладной начальству: «Атака немцев на левом фланге отбита, подбит пулемет». Или: «Деньги мои разделите между санитарами, вынесшими меня из линии огня, и моим денщиком».

Этому автору как бы вторит другой: «Это похоже на нашу судьбу! Мы идем бодрым шагом с тихим, ярким теплом молодости в груди. Без боли мы взираем на будущее, – нам безразлично: бой или отдых. Острая, полная неожиданностей военная жизнь нас закалила вместе со стальным оружием».

Еще ярче высказывается сам редактор журнала Я. Порет в статье: «Первые победы и первые жертвы»:

«В груди каждого стрелка горит одно желание, одна мысль: я пошел защищать родину. Ей нужна моя жизнь – с радостью отдаю. Не нужно мне хвалы и венков, лишь одного – победы. Умру, как все. Мои мысли будут у тебя, мое отечество – Россия и место колыбели – Латвия. Я отдаю себя им всецело: свою жизнь и кровь во имя будущего, победы и славы».

Что еще можно прибавить к этим словам?

2 января 1917 г.

Подпись: Г.Вяткин
Газета «Сибирская Жизнь», №12, 15 января 1917 г., г. Томск

СИБИРЯКИ В ПЕТРОГРАДЕ

Вчера, 30 марта, был на собрании сибиряков в Петрограде, созванном по инициативе общества изучения Сибири и ее быта.

Собрание, можно сказать, историческое, первое после революции.

Спешу поделиться впечатлениями.

Большой зал полон: тут и учащаяся молодежь, и почтенные общественные деятели, и офицеры, и очень много солдат.

Недоумеваю: откуда столько солдат:

– Неужели с фронта?

– Нет.

– Откуда же? Каких полков?

– Волынского и литовского…

Оказывается, эти первые полки революционной армии состоят в значительной части из наших земляков. Два года назад сибиряки помогли отстоять Варшаву от врага внешнего, теперь они помогли отстоять Петроград от врага внутреннего. Честь им и слава!

Ал.Ив. Макушин открывает собрание.

Председателем избирается член Гос.Думы В.Н. Дзюбинский.

Он приветствует собравшихся и говорит небольшое вступительное слово:

– Наконец, товарищи и граждане, мы можем говорить свободно. Мы всегда хотели высказываться свободно, Сибирь издревле была свободолюбива. Скованная не одними снегами и морозами, но и царским самодержавием, она все же не скрывала своих чувств и дум – и доказательством тому … выборы прогрессистов и гласных в Думу первую, вторую, третью и четвертую. Доказательством тому – огромный рост общественной деятельности: гигантскими шагами шла вперед сибирская кооперация. Теперь народ победил, самодержавие низвергнуто навсегда, и Сибирь, как и Европейская Россия, свободная. Предлагаю почтить вставанием жертв русской революции, как погибших здесь в Петрограде, так и замученных в сибирской каторге и ссылке.

Как один человек, собрание встает.

– Предлагаю, товарищи и граждане, – заканчивает В.И. Дзюбинский, – приветствовать живых борцов за свободу и прежде всего нашего славного батьку-сибиряка Потанина – предлагаю послать ему телеграмму.

Предложение горячо принимается. Решено также послать приветственные телеграммы Государственной Думе, временному правительству и совету солдатских и рабочих депутатов.

Выступает И.П. Толмачев. Он анализирует взаимоотношения Сибири с метрополией со времен Ермака и до наших дней и подробно останавливается на традициях так называемого «сепаратизма» и областничества. Патриоты-сибиряки хотели отделиться не от России, не от русского народа, – а от Романовых. Династия пала, и о сепаратизме не может быть и речи. Но у Сибири есть свои индивидуальные нужды и потребности, и метрополия, конечно, должна и будет с ними считаться. Наши земляки на местах скажут свое слово лучше, чем мы здесь, а мы в свою очередь должны оказать им всяческое содействие – как в теоретической разработке областных вопросов, так и в практическом осуществлении принятых решений.

Следующим оратором выступает небезызвестный шлиссельбуржец В.С. Панкратов.

Собрание устраивает ему овацию.

– Я дважды был приемным сыном Сибири, – сообщает В.С. Панкратов, – 12 лет сидел в Якутской области, знаю Забайкалье, бывал в Томской губернии и счастлив заявить вам, товарищи, что ничего, кроме привета, участия и ласки, я никогда от сибиряков не видел. А между тем, царское правительство делало все, чтобы засорить политическую ссылку и вызвать к ней у населения недоверие и злобу. В этом направлении действовали сибирские губернаторы – тупые, бездарные, бесчестные в большинстве чиновники, отбросы самодержавия, которое отправляло их в Сибирь, как в мусорную яму. Но ни старое правительство, ни его губернаторы не смогли вытравить из Сибири ее свободолюбия. Хорошо зная Сибирь, я должен сказать, что она настолько проникнута демократическими идеями, что никакая реакция ей не страшна. Что касается отношений к метрополии, то об этом должно хорошенько подумать и определенно высказаться само сибирское население. Мне же лично кажется, что это отношение будет чисто федеративное. Но, товарищи, думая о будущем, не будем забывать и о настоящем – ведь германские полчища стоят у ворот России, необходимо их отбросить, необходимо их победить, иначе нашей свободе конец… Сибирь всегда была щедра и отзывчива, обратимся же и на этот раз к ней

с призывом: дайте еще раз армии, сколько можете, хлеба, железа, угля, не оставьте вашей помощью ваши доблестные сибирские полки!..

Председатель предоставляет слово делегату от боевой сибирской дивизии – военному врачу Рождественскому.

Врач Рождественский, находящейся на фронте с самого начала войны, сильно волнуясь, рассказывает о том, в какое невыносимо-тяжкое положение ставило сибирских воинов прежнее правительство, полное предательства и измены. Отдельные эпизоды, которые приводит оратор, кошмарны, потрясающи…

Слезы не дают ему говорить, голос обрывается.

Волнение передается и аудитории.

Несколько человек плачет…

Председатель просит успокоиться.

Врач Рождественский, волнуясь, продолжает говорить о страданиях и подвигах сибирских стрелков. «Железная сила их – в единении, – заканчивает он, – все за одного и один за всех. К этому же единению, граждане, я приглашаю всех вас. Будем едины и стойки, как наши сибирские войска на полях сражений!»

Шумные, длительные аплодисменты, переходящие в овацию солдатам-представителям сибирских войск, присутствующих на собрании.

С большим вниманием заслушиваются и сообщения следующих ораторов.

В.И. Колокольников сообщает о том, как была встречена и поддержана революция в Тобольской губернии, в частности со стороны крестьянства.

А.А. Скороходов рассказывает о революционных днях в Омске и затем останавливается на роли единственного в Сибири помещика, единственного крепостника-кабинета его величества, бесчисленные земли которого теперь будут распределены между трудовым крестьянством и сибирскими инородцами.

Одним из офицеров вносятся конкретные предложения: 1) усилиями соединенных Петроградских и сибирских организаций разработать проект положения о будущем устройстве Сибири, 2) организовать информационно-справочное бюро по областным вопросам и 3) предпринять шаги к изданию в Петрограде сибирского печатного органа.

Все предложения принимаются.

Попутно производится сбор на подарки для сибирской 15-й дивизии. В течение нескольких минут собрано около 500 рублей.

В 12-м часу ночи заседание закрывается.

На собрании, кроме указанных лиц, присутствовали: член Гос. Думы Востротов, проф. Ломшаков, ученый В.И.Лохельсон, геолог К.И. Аргентов, бывший издатель «Сибир.Вопросов» В.П. Сукачев, беллетрист Николай Олигер и др.

Петроград, 31 марта

Подпись: Г. Вяткин

Газета «Сибирская Жизнь», №82, 20 апреля 1917 г., г. Томск

Андрей Зубарев

ГЕОРГИЙ ВЯТКИН – ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

И сердце, кровью истекая,
Гимн жизни радостно поёт.

Г. Вяткин

Вчитываясь в строки моего деда, написанные им около ста лет назад, впитывая в себя его мысли и чувства, я не перестаю удивляться его беспредельной жажде жизни, лучшей, прекрасной жизни для каждого из нас.

Его судьба во многом типична. Судьба русского интеллигента, попавшего под красное колесо террора 30-х годов. Начав писать стихи с 14 лет, не имея ни среднего, ни высшего образования, с 1905 года он уже известен читающей России. Его начинают печатать самые авторитетные литературные журналы Санкт-Петербурга и Москвы, бесчисленная периодика сибирских городов, одна за другой выходят в свет его книги – сборники стихов (1907, 1909, 1912 – в Томске), «Опечаленная радость» в Петрограде и там же сборник рассказов – «Золотые листья» в 1917 г., позднее в родном Омске – великолепная книга стихов «Алтай» и т.д.

Он получает Всероссийскую литературную премию имени Гоголя в 1912 году.

Георгий Андреевич пишет очень много, это и поэзия, и проза, и драматургия, и журналистика. Глубоко эрудированный человек, Г.А. Вяткин занимался переводами, просветительской деятельностью, был одним из инициаторов создания в Сибири писательских организаций.

В 1914–1917 гг. был на фронтах империалистической войны, служил в санитарных частях. Часто бывал в Санкт-Петербурге, Москве, встречался с известными писателями того времени, выезжал в Польшу и Финляндию, был на Украине, в Крыму, много путешествовал по Сибири, Алтаю, Иртышу.

Поэт глубоко переживал все горести и радости жизни, его тончайшая душа отзывалась острой болью на человеческие страдания и муки, на боль души другого человека. И всегда сквозь печаль и тревоги пробивается в произведениях Г. Вяткина навстречу солнцу, навстречу лучшей жизни слабый, но неутомимый росток надежды, любви, счастья.

Родина, мать моя,
Ты ли мне грезишься?
Ты ль это с горем своим?
Сердце мое и рыдает и молится,
Молится мукам твоим.

1918 год надломил его. Кровь безвинных, насаждение единомыслия, ограничение свобод граждан, надругательство над вечными ценностями изменили его отношение к происходящему в России. С лета 1918 года он работает заведующим бюро газетных вырезок при правительстве Колчака. И вновь пишет и печатается почти во всей местной периодике. В 1919 году Колчак отступает в Иркутск, и Вяткин поначалу идет с ним. Но вскоре возвращается в Омск, следует арест, дело и три года лишения избирательных прав. Это был первый «звонок».

С 1919 по 1925 год вновь активно работает в Омске, заведует отделом газеты

«Рабочий путь» (ныне – «Омская правда») и Омским отделением газеты «Советская Сибирь» (Новониколаевск). Читает много лекций по литературе, избирается на съезд писателей России.

С конца 1925 года живет в Новониколаевске (Новосибирске), работает в журналах «Сибирь», «Сибирские огни», «Товарищ», редактирует первую Сибирскую Советскую энциклопедию, пишет поэму «Сказ о Ермаковом походе» и роман «Открытыми глазами».

Расстрел 8 января 1938 года надолго вычеркивает его имя из жизни. Его книги под запретом, его семья скрывается.

Лишь 1956 год приносит полную реабилитацию, но не приносит желаемого выхода из забвения. Как бы боязливо, будто стыдясь чего-то, Георгия Вяткина начинают печатать. 1959 год – небольшой сборник стихотворений, потом редкие публикации нескольких стихотворений в различных сборниках. В его юбилейный 1985 год в родном городе выходит книга-сборник «Открытыми глазами», чуть позднее еще несколько книг…

И, наконец, с 2005 года в Омске по инициативе губернатора Л.К. Полежаева печатается собрание сочинений Георгия Андреевича Вяткина в пяти томах.

Возвращение уникальных для нас, омичей, для всех россиян, произведений поэта и писателя, неизвестных до сих пор массовому читателю и по крупицам собранных величайшим трудом редакционной группы и семьи Вяткина (да и собранные еще далеко не полностью!) только-только начинается.

Каким же был он, известный и неизвестный нам Поэт?

Я не видел его. Помнит лишь мама, но и ей было тогда всего 12 лет.

«Он был очень добрым, мягким, истинно интеллигентным человеком, никогда ни на кого не повышал голос…», – часто повторяет она. Невысокий, энергичный, нежный, заботливый. Бесконечно любивший свою семью, свою измученную Родину, свою Сибирь.

Но все ж, Сибирь, ты сердцу дорога,
И не забыть мне эту даль с обрыва.

Осенью он отправил детей домой, в Омск. Он знал – тучи сгущаются. К писательскому дому по улице Челюскинцев почти каждую ночь приезжали черные «воронки» и увозили людей в небытие.

За Георгием Андреевичем приехали в конце 1937 года. Через несколько дней допрос, спокойно и уверенно держался на нём Вяткин, проходит ещё пара дней – второй допрос с пристрастием, пытками… Страшно было смотреть мне, его внуку, на пожелтевшие от времени страницы дела № 3590 Новосибирского НКВД, страшно было представлять весь тот ужас…

Простым и близким читателю языком говорит он в своих произведениях о жизни, и сердце благодарно тянется навстречу этим тихим и нежным строчкам. Искренность, интимность, благословляющая улыбка и светлая, осиянная внутренним светом, грусть – вот что делает близким сердцу творчество Г.А. Вяткина.

Он всегда считал, что вся русская литература – «это, прежде всего, отклик на человеческое страдание, крик уязвленной совести, исповедь горячего славянского сердца». И я чувствую это, вчитываясь и вдумываясь в его стихи и в его прозу, в родные для меня строки. Он беспредельно любил свою Родину, Сибирь, восхищался красотами каждого ее уголка, с нетерпением ожидал прихода весны как предвестника улучшения жизни. Он очень верил в это.

Он много страдал, в юности жил бедно, даже очень бедно, и поэтому челове-

ческое страдание для него – не отвлеченное понятие. «Опечаленная радость» – так назвал он одну из первых своих книг. Пожалуй, эти два слова и есть его жизнь.

Георгий Андреевич не терпел пошлости, трусости, лжи, лени, насилия, не терпел издевательств над чужими душами и сердцами… «Человек должен, прежде всего, быть чутким к красоте… Красоту же я понимаю в самом широком значении этого слова, включая сюда и здоровье, и силу, и великодушие, и мягкость, и способность на самопожертвование».

«Много тайн и загадок в мире, и в сущности никто не знает ничего. Но наше сердце знает много, гораздо больше, чем разум. И, если внемлет голосу сердца, – найдет радость даже в страдании и благословит горе.

Может быть, красота горя выше красоты радости, и, может быть, богаче всех тот, кто больше всех страдал? Разве не из страданий вырастает душа?»

«Любя человека и жизнь, я беру за отправную точку моих размышлений то кажущееся мне бесспорным положение, что каждый человек есть носитель своего собственного, сложного, богатого и разумного мира, есть сосуд Вечного Духа, пришедший на землю только раз; никогда не повторяющийся и, значит, стоящий выше всяческой цены…»

Читая его великолепную прозу, прозу Поэта, понимаю, что очень много в ней, как, впрочем, и в поэзии, автобиографического. Наверное, это естественно.

Как и все, он влюблялся и любил. Очень любил свою жену Марию. Она была заметно моложе его и необычайно красива. Даже в глубокой старости.

Лицо твое усталое, лицо твое счастливое,
Горячее дыхание, цветы и тишина,
И утро безмятежное. Блаженно молчаливое…
Спи, тихая. Спи, нежная. Спи, юная жена.
Из кубка страсти, чистая, в неизъяснимом трепете,
Пила ты – поцелуями – пьянящее вино…

* * *

Твои шаги, как трепетание
Разбитых крыльев мотылька,
Как пены легкое дрожание
На бледном золоте песка.

Твой стан, как стебель юной лилии,
Грозой придавленный к Земле,
Но милый – в робости бессилия,
Но светлый – в сумраке и мгле.

Твои глаза – как звезды ириса,
В которых нежится роса,
В которых тайно отразилися
Своей улыбкой небеса.

Когда я работаю над его текстами, моя душа как бы соприкасается с его душой и талантом, и слезы радости невольно увлажняют мои глаза…

«Прекрасная женщина улыбнулась.

Дайте, пожалуйста, отзыв о прекрасной улыбке прекрасной женщины.

Кудрявый, милый ребенок звонко засмеялся.

И на душе у всех стало светло и отрадно…

Дайте, пожалуйста, отзыв о звонком смехе… милого ребёнка».

Так писал известный сибирский критик, подписывавший свои статьи псевдонимом «Дедушка Фаддей», когда его попросили дать отзыв на книгу стихов Георгия Андреевича Вяткина «Алтай».

«Никаких бурь, никаких метелей – в стихах его, слава Богу, нет.

И все-таки – это не мешает быть ему настоящим Сибирским поэтом…

О Сибири давно уже можно говорить, не вспоминая о каторге.

Сибирь вовсе не специализировалась на бурях, снегах и метелях.

Она не вечно мрачна и нахмурена…

Она умеет и ласково смотреть, и нежно улыбаться…».

И резюмирует:

«Г.А. Вяткин – лучший из Сибирских поэтов.

Бог окропил долину огоньками,
Посеял щедро лилии по ней.
Остановись! Тайга теперь за нами
Ночуем здесь. Расседлывай коней.
Вечерний час задумчив и прохладен,
Серп месяца прозрачен и остер.
А даль во мгле. Из синих горных впадин
Ползет туман. Но мы зажжем костер.

* * *

Какая глушь! На камне встали камни,
И вздыбились утесы на утёс.
И нет пути. И всюду мох порос,
Сухой, как пыль, невыразимо давний.

* * *

Текут века, покорны и безгневны.
Течет вся жизнь – к печальной вечной мгле…
Но эта ночь, но этот голос древний…
Минувшее бессмертно на земле.

Прекрасные стихи! Привет вам, прекрасный певец Сибири!»

Георгий Вяткин – бесспорно один из крупнейших поэтов Сибири и России, один из основоположников современной сибирской литературы.

И мы вправе гордиться им, читать его, учиться у него красоте и чистоте духа, глубине чувств и искренности желаний.

Верую: силой твоей, Человек,
Жизнь безотрадную, пошлую, серую
Преобразишь ты навек…
Верую!